

Шелов, Дмитрий Борисович. Танаис – потерянный и найденный город / Д. Б. Шелов ; Акад. наук СССР. – Москва : Наука, 1967. – 141, [2] с. : ил., портр. – (Научно-популярная серия).

Танаис — потерянный и найденный город

Благородный интерес к прошлому своего народа, к родной истории становится в наши дни всё более всеобщим. На всей огромной территории нашей страны, в любом её уголке сохранились памятники древней истории и культуры. Непрístupные средневековые крепости и молчаливые степные курганы, старинные деревянные церкви на севере и мраморные колонны античных храмов на юге, древние рудники и оросительные каналы, остатки городов и поселений, гробницы и могилы — каких только древностей нет на обширных пространствах нашей Родины! Одни из этих свидетелей давно минувшей жизни еще возвышаются над поверхностью земли, целые или полуразрушенные поражая экскурсантов или случайных посетителей мощью своих стен, красотой архитектурных форм, богатством и изяществом орнаментальных узоров; другие скрыты глубоко под землей и становятся известны только после длительных и трудоемких археологических исследований. Но все они рассказывают о героической истории народов населяющих нашу страну, о трудолюбии и таланте наших предков, о высокой культуре городов и государств, некогда существовавших на территории Родины.

Осень в 1823 году стояла на редкость сухая и солнечная. Погожим октябрьским днем по большому почтовому тракту, что соединял военную крепость Таганрог с уездным городом Елисаветпольской губернии Ростовом, катилась в клубах густой желтой пыли дорожная коляска, запряженная тройкой рослых лошадей. В коляске, глубоко задумавшись, сидел молодой чернобровый офицер с высоким чистым лбом и живыми глазами.

Полковник Иван Алексеевич Стемпковский следовал в Ростов и далее на Волгу, в Саратов, по казенной надобности, но мыслями был далек от цели этой поездки. Закрыв глаза и слегка откинувшись на подушки сидения, полковник думал о том, как странно складывается его жизнь. С юных лет носил он военный мундир, службу исполнял ревностно и в войне на Кавказе успел отличиться. И наградами и чинами не был обойдён – в 29 лет был он уже полковником. И всё же не военная и не чиновничья карьера составляла его призвание. Весь смысл его жизни заключался в другом – в изучении древностей, в отыскивании древних вещей, надписей, монет, так много говоривших его сердцу. Воссоздание по этим обломкам древней жизни, славной истории родной земли – его патриотический долг. Ведь недаром, будучи в течение нескольких лет адъютантом дюка де Ришелье в Париже, он тратил долгие часы на рассматривание древних монет в Кабинете медалей. Недаром ученая беседа со знаменитым французским археологом Рауль-Рошеттом или штудирование сочинений древних авторов Плутарха и Сенеки привлекали его куда больше, чем менуэты и котильоны

пышных балов при дворе Людовика XVIII, чем военные парады и разводы на Марсовом поле. Недаром он с таким вниманием слушал ученые споры во Французской Академии, и не случайно эта прославленная Академия избрала молодого русского офицера своим членом-корреспондентом. Иван Алексеевич уже попробовал свои силы на поприще науки, напечатав несколько статей по древней истории юга России.

Совсем недавно он подал генерал-губернатору Новороссии светлейшему графу М. С. Воронцову докладную записку об организации исследований древностей южной России и теперь ожидал, что из этого выйдет. Он не мог еще, конечно, знать, что следствием этой записки будет организация двух первых в Причерноморье археологических музеев – Одесского и Керченского, и что сам он несколько лет спустя ради возможности заниматься раскопками и исследованиями крымских древностей примет пост керченского градоначальника, что недолгое его пребывание на этом посту ознаменуется открытием одного из самых замечательных памятников греко-скифской культуры – знаменитой впоследствии царской гробницы Куль-оба, открытием, с которого начнется новый этап в истории русской археологии, что и умереть ему предстоит в той же Керчи и в очень скором времени, от чахотки, навеки утвердив свое имя в истории отечественной науки.

Не знал Иван Алексеевич Стемпковский и того, что нынешняя его поездка вдоль берегов устья Дона положит начало археологическому исследованию этого богатейшего остатками древности уголка русской земли. Теперь же, покачиваясь на мягком сиденье коляски, подъезжавшей уже к Ростову, он вновь и вновь вспоминал отрывок из сочинения древнего греческого географа Страбона, которого много раз перечитывал во французском переводе. В отрывке этом говорилось о том, что при впадении реки Танаис в Меотийское озеро лежал город, основанный греками, тоже называвшийся Танаисом. Город этот был разрушен царем Полемоном за неповиновение его жителей, а до этого он служил местом торговли греков и окрестных кочевников: в нём шёл торг рабами, а также мехами, винами и другими товарами. Все это было написано Страбоном более 1800 лет тому назад, в I в. н. э., но занимало Стемпковского потому, что он ехал сейчас по тем самым местам, о которых писал Страбон. Ведь Меотийским озером греки называли Азовское море, вдоль берега которого ещё сегодня утром катилась его коляска, а река Танаис – это греческое название тихого Дона, блестящего и переливающегося под солнцем справа от дороги. Где же находился древний город Танаис, основанный при впадении реки в море? Там, где правый рукав Дона Мертвый Донец вливается в Азовское море, нет никаких следов города. Но ведь за многие сотни лет береговая линия могла измениться. А может быть, Танаис находился не на правом, а на левом берегу донской дельты, в окрестностях современного Азова? Во всяком случае, большой торговый город, даже и разрушенный и покинутый жителями, не мог исчезнуть бесследно. Его можно и нужно найти и, таким образом, открыть еще одну страницу в древней истории страны. Стемпковский нарочно завернул на этот пустынный почтовый тракт, чтобы осмотреть места по высокому правому берегу Дона, где, по его убеждению,

мог располагаться древний город. И он был почти уверен теперь, что нашел его остатки.

Ещё находясь в Таганроге, он настойчиво расспрашивал местных жителей, особенно стариков, о развалинах, о находках каких-нибудь древностей в окрестностях. Но ничего определенного ему рассказать не могли. Стемповский узнал только, что на половине пути из Таганрога в Ростов, недалеко от дороги, по которой ему предстояло ехать, около небольшого сельца Недвиговки, что приютилось на высоких склонах коренного правого берега Дона, заметны какие-то «окопы», может быть оставшиеся со времени войн с турками, а может быть и более древние. Там местные крестьяне находят иногда медные монеты и черепки каких-то старинных кувшинов, вероятно турецких. А впрочем, добавляли собеседники Стемповского, ничего интересного в этом месте нет и ездить туда, конечно, не стоит. Но он не послушался этих советов, завернул в Недвиговку и нисколько не жалеет об этом.

Недалеко от Недвиговки, в нескольких верстах от моря на возвышенном плато, откуда открывался чудесный вид на широкое русло Мертвого Донца, на подернутые дымкой плавни донской дельты с разбросанными, там и сям группами желтеющих деревьев, на далекий, едва заметный противоположный азовский берег, нашел Иван Алексеевич Стемповский древние укрепления. Они живо напомнили ему хорошо знакомые остатки древнего греческого города Ольвии около крепости Очаков, где не раз доводилось ему бывать во время службы в Одессе. Глубокий ров окружал то, что осталось от укреплений. Над рвом виднелся вал, а под его насыпью угадывались фундаменты каменных стен и основания башен. Повсюду валялись обломки древней глиняной посуды. Но это не были турецкие кувшины, нет, он прекрасно знал эти большие хорошо обожженные сосуды с острым дном, он видел их в парижских музеях – подобные сосуды выделывали только греки. В таких сосудах – амфорах – греки хранили и перевозили вино, воду, растительное масло. Но если на месте древней крепости встречаются обломки греческих амфор, это значит, что в ней жили греки или что они торговали здесь своими товарами. Место это как нельзя лучше было приспособлено и для торговли по реке и по морю, и для обороны от нападения врагов: прямо под горою у самой подошвы городища протекал судоходный Мертвый Донец. Где же ещё, если не здесь, мог существовать Танаис, древнейший город Приазовья и Подонья, торговый центр придонских степей? И наконец, монеты, найденные на месте древнего города, – ведь это монеты боспорских царей, владения которых охватывали Крым, Таманский полуостров и простирались по берегам Азовского моря до устья Дона. А из сообщений древних авторов известно, что Танаис подчинялся царям Боспора. Все говорило за то, что развалины у села Недвиговки – это остатки древнего Танаиса.

Размышляя таким образом, Иван Алексеевич не заметил, что коляска миновала полосатый шлагбаум с будкой, отдающего ему честь будочника и уже катилась по пыльным улочкам уездного городка. Но тряска по булыжной мостовой главной улицы Ростова вернула его в мир действительности и заставила вспомнить о неотложных делах службы, от коих отвлекся он так далеко. Все же

на обратном пути, подумал Стемповский, он обязательно вновь посетит эти места и постарается окончательно решить загадку древнего города.

Прошло несколько месяцев, и ранним апрельским утром хозяин единственных в Ростове «номеров» для проезжающих вновь увидел запомнившегося ему молодого черноглазого полковника. Иван Алексеевич Стемповский, выполняя свое намерение, заехал в Ростов на обратном пути с Волги. Расспрашивая городских обывателей о находках древностей в низовьях Дона, Стемповский надеялся получить необходимые сведения, которые могли указать местонахождение древнего Танаиса. И он не обманулся в своих надеждах. Ростовские жители не только рассказали ему о таких находках, но и принесли некоторые древние вещи: обломки амфор и другой посуды, каменные рыболовные грузила, монеты, найденные на Недвиговском городище и в некоторых других местах по течению Мертвого Донца.

На столе перед Иваном Алексеевичем – несколько медных монет, покрытых зеленоватой патиной, образовавшимся от времени налетом. На одной из монет изображено узкое худое лицо молодого мужчины с длинными волосами, схваченными повязкой. Греческая надпись свидетельствует о том, что на монете изображен боспорский царь Савромат I, правивший в 93-123 гг. н. э. А на обратной стороне монеты – целая сцена: крепостная зубчатая стена, в стене ворота, с двух сторон от ворот прямоугольные оборонительные башни, к одной из башен прикован стоящий на коленях длинноволосый пленник, может быть скиф или сармат. Можно не сомневаться, что на этой боспорской монете изображена одна из боспорских крепостей, скорее всего, столица Боспорского царства Пантикапей – современная Керчь. А прикованный к башне пленник, конечно, должен напоминать о какой-то победе царя Савромата над соседними кочевыми племенами. А вот другая монета. На одной стороне её – портрет боспорского царя Котия II (123 - 132 гг. н. э.), а на другой – изображение царя на скачущем во весь опор коне, с развевающимся за плечами плащом, с поднятым в правой руке копьем. И еще монеты Котия I, Евпатора, Рискупорида III, Ининфимея и других царей Боспора. Все эти монеты собраны на городище в Недвиговке.

О чем же говорят они? Во-первых, о том, что поселение на месте Недвиговки существовало в I-III вв. н. э., когда были выпущены монеты, лежащие теперь перед Стемповским. Во-вторых, о том, что это поселение, очевидно, подчинялось власти боспорских царей, раз там имели хождение боспорские медные монеты. Это все вполне подходит для Танаиса. Однако подобные монеты найдены не только в Недвиговке, но и в некоторых других местах по берегу Мертвого Донца, между Ростовом и Таганрогом. Значит, нужно осмотреть и обследовать все эти места и выяснить, в каком из них мог находиться древний город.

Осмотр древних береговых поселений укрепил Стемповского в его первоначальном предположении: только городище у хутора Недвиговки может претендовать на то, чтобы считаться остатками славного города Танаиса, – ведь оно по площади больше всех других древних поселений этого района, которые Стемповскому пришлось видеть. Только на Недвиговском городище заметны остатки каменных оборонительных стен и башен, и только там сохранились

глубокие искусственные рвы, окружавшие город. Именно там найдено подавляющее большинство древних монет и кувшинов, что встречаются в небольших коллекциях у донских любителей старины в Таганроге, Ростове и даже Новочеркасске. И наконец, вокруг Недвиговки тянутся в степи длинные цепочки древних могильных холмов-курганов, всегда располагающихся вблизи больших греческих городов юга России. Все говорит за то, что древний Танаис надо искать в окрестностях хутора Недвиговки, думал И. А. Стемпковский, возвращаясь из своей поездки. Он так и напишет об этом Ивану Павловичу Благрамбергу, одесскому нумизмату и археологу, давно занимающемуся греческими древностями нашего юга. А потом, – кто знает? – может быть, удастся начать раскопки Недвиговского городища. Уж эти раскопки наверняка определят, насколько правильна его гипотеза.

Тридцать лет прошло со времени поездки И. А. Стемпковского по берегу донской дельты, прежде чем правительство Российской империи нашло возможным изыскать средства на раскопки древних памятников в Нижнем Подонье. Правительство Николая I надеялось, что раскопки донских курганов смогут доставить такие же богатые находки, какие были уже сделаны в древних гробницах около Керчи.

Конечно, Недвиговское городище не Помпеи, вряд ли можно ожидать на далекой окраине античного мира таких замечательных находок, таких шедевров античного искусства, какие подарили миру исследования этого небольшого италийского городка, погибшего при извержении Везувия в 79 г. н. э. Но и раскопки предполагаемого Танаиса могли дать немаловажные результаты для выяснения истории греческих колоний в Причерноморье.

В 50-70-х годах XIX века было предпринято несколько экспедиций, которые впрочем не дали грандиозных результатов.

После раскопок 1870 г. интерес к Недвиговскому городищу надолго заглох. От времени до времени городище посещали археологи или донские краеведы, однако новые раскопки здесь не производились почти до наших дней. Но если ученые в течение многих лет не интересовались Танаисом, то жители хутора Недвиговка проявили к городищу живейший и, увы, губительный для древнего памятника «интерес». Они использовали городище в качестве каменоломни, откапывая древние стены и разбирая их на камень. Ведь куда проще и удобнее было брать готовый строительный камень из построек, чем выламывать или выпиливать его из скалы. Камень этот не только употреблялся на сооружение хуторских домов и сараев, но даже вывозился на баржах, по несколько рублей за кубическую сажень, на стройки Азова и Ростова. Трудно даже представить себе, сколько драгоценных остатков древности было уничтожено при этих длившихся десятилетиями работах. Только после революции, когда все памятники древности были объявлены народным достоянием, находящимся под охраной советского закона, разрушение городища с целью добывания камня прекратилось.